

Сергей Могилевцев

Лиса и виноград

Сергей Могилевцев

Лиса и виноград

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156566

Аннотация

Пьеса о баснописце Эзопе. Эзопу только что исполнилось 50 лет. Он уродлив, горбат, нетерпим, местами даже бесноват, а порой и необыкновенно агрессивен. Он горит желанием высмеивать всех и вся, и накидывается, как пылкий греческий юноша, на все, что шевелится, мечтая перетрахать всю глупость и всю подлость на свете...

Содержание

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	6
КАРТИНА ПЕРВАЯ	6
КАРТИНА ВТОРАЯ	17
КАРТИНА ТРЕТЬЯ	31
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	44
КАРТИНА ПЕРВАЯ	44
КАРТИНА ВТОРАЯ	57
КАРТИНА ТРЕТЬЯ	69

Сергей Могилевцев

Лиса и виноград

Комедия в 2-х действиях

Пьеса о баснописце Эзопе. Эзопу только что исполнилось 50 лет. Он уродлив, горбат, нетерпим, местами даже бесноват, а порой и необыкновенно агрессивен. Он горит желанием высмеивать всех и вся, и накидывается, как пылкий греческий юноша, на все, что шевелится, мечтая перетрахать всю глупость и всю подлость на свете. Непонятно, как вообще этот бесноватый урод (с точки зрения большинства) достиг такого возраста. Ему и не дадут прожить больше пятидесяти; его остановят в Дельфах, городе божественного Аполлона, куда он приехал вместе со своим учеником Хереем. Эзоп желает воздвигнуть здесь святилище Мнемозине, богине памяти, своей божественной покровительнице, которая и диктует ему его басни. Но саркастическому и нетерпимому горбуну не дадут это сделать. Он, правда, успевает воздвигнуть святилище, но его сразу же арестовывают, судят за оскорбление горожан, а также божественного Аполлона, а затем сбрасывают с высокой скалы. Перед смертью Эзоп говорит о том, что его басни переживут века, а его эзоповский смех навечно застрянет в глотках всех глупцов и всех невежд мира. Баснописец умирает, а над сце-

ной и зрительным залом, нарастая все больше и больше, не переставая, звучит смех Эзона.

УЧАСТВУЮТ:

Аполлон. Первый мужчина.

Мнемозина. Второй мужчина.

Эзоп. Первая женщина.

Коринна. Вторая женщина

Херей. Торговец фидами.

Антифонт. Разносчик воды.

Менекрет. Продавец птиц.

Пифия. Старуха.

Председатель Ареопага.

Народ, торговцы, жрецы, гетеры, стража, нищие и пр.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Площадь в Дельфах. Посередине статуя Аполлона, бога-покровителя искусств, бога света и мицения, с длинными позолоченными волосами и кифарой в руках.

На земле у подножия нищего и гетеры протянутой рукой, невдалеке скучающая гетера.

Входят Эзоп и Херей.

Херей. Наконец-то, господин мой, мы добрались. Славное местечко, нечего сказать! Стоило ли совершать такое трудное путешествие, чтобы в итоге увидеть статую бога, а у ее подножия нищего и гетеру, которые, очевидно, скучают здесь с прошлых Пифийских игр? А где же толпы восторженных горожан, где горячие поклонники вашего литературного гения, где восторженные греческие девушки, жаждущие заполучить автограф Эзопа и умереть от счастья прямо у его ног, ибо большей удачи им в жизни выпасть просто не может? Одним словом, мой господин, я не вижу здесь толпы ваших фанатов, и оттого этот город не вызывает у меня большого доверия. Извините, господин Эзоп, но, по-моему, вас

здесь не очень-то уважают.

Э з о п. Уважение, Херей, это такая субстанция, которой сегодня нет, а завтра появится столько, что мы не будем знать, в какой валюте ее лучше хранить: в греческих талантах, индийских рупиях, или египетских динарах? Кроме того, не забывай, что от большой любви до большой ненависти бывает обычно всего один шаг. А потому выбирай всегда нечто среднее, и останешься в итоге с головой на плечах, и с кошельком, в который никогда не стыдно залезть. Одним словом, Херей, выбирай середину.

Х е р е й. Так-то оно так, господин, но, помнится, на острове Самосе, где вы сначала были рабом, а потом, разгадав смысл чудесных знамений, сделались свободным и знаменитым, вас почитали, как почитают богов. Помнится, самосцы вас даже не хотели от себя отпускать, и заучили наизусть все ваши басни, повторяя их к месту и не к месту с утра и до вечера. Тогда, господин Эзоп, вы не говорили о славе в том смысле, что ее не должно быть чересчур много.

Э з о п. Тогда, Херей, я был намного моложе и не таким изошрённым. Мне казалось, что выше литературы в мире нет ничего, разве что боги, снисходительно вззирающие на меня с вершины Олимпа.

Х е р е й (*продолжая*). Да и потом, в Сирии, у царя Креза, который записал все ваши басни и издал вашу первую книгу, – вы еще, кстати, за этот бестселлер получили всегреческую национальную премию, – ведь и там, в Сирии, вы не

чурались ни славы, ни уважения. Что же с вами, господин, случилось теперь? Вы что, потеряли весь свой задор и весь свой эзоповский пыл?

Э з о п. Нет, Херей, я не потерял ничего; ни бывшего задора, ни своего эзоповского пыла, заставляющего меня высмеивать всякого, кто покажется мне подозрительно скучным, или, наоборот, подозрительно самоуверенным. Во мне по-прежнему кипит божественный огонь безжалостного сарказма. Я, Херей, все тот же Эзоп, которого уважает толпа, и, как огня, бояться власть предержащие, справедливо опасющиеся за свою чересчур благовидную репутацию. Просто, друг мой, мне на днях исполнилось пятьдесят, – мы с тобой, кстати, выпили за это в придорожной харчевне пару-другую кружек скверной местной кислятины; пятьдесят, друг мой, целых, черт возьми, пятьдесят, и эта более чем круглая дата умиряет и мой эзоповский пыл, и мой чересчур пылкий сарказм баснописца. Одним словом, Херей, пришло время мне задуматься о душе.

Х е р е й. Побойтесь богов, господин мой! вы что, собираетесь умирать?

Э з о п. Нет, Херей, не собираюсь, но у меня такое предчувствие, что нельзя слишком долго высмеивать всех и вся, ничего за это не заплатив. В конце-концов придется платить, и, возможно, эта плата окажется непосильной даже для автора множества литературных бестселлеров.

Х е р е й. Ну хорошо, мой господин, хорошо, пятьдесят

лет, – это действительно выдающаяся дата. Сам я до этих лет еще не дожил, но вполне допускаю, что она заставляет задуматься о душе. Однако при чем здесь эти Дельфы, в которые мы с таким трудом притащились? При чем здесь этот прославленный город, резиденция златокудрого Аполлона (*отвешивает поклон неподвижной статуе*), всех девяти божественных Муз и таинственной пифии, которая загробным голосом вещает малопонятные вещи? Вам что, было мало других греческих городов? Вы что, в них не могли размышлять о своей душе баснописца?

Э з о п. Дельфы мне нужны для того, чтобы основать в них святилище Муз и установить в нем статую Мнемозины.

Х е р е й. Мнемозины, богини памяти?

Э з о п. Да, моей божественной покровительницы и вдохновителя моего эзоповского сарказма. А лучшего места для такого святилища, чем Дельфы, и придумать нельзя. Пора, наконец, Херей, отдать дань богам, – тем самым богам, которые и диктовали мне все мои знаменитые басни. Я слишком долго высмеивал все, что видел и слышал, слишком долго накидывался на все, что шевелится, и должен теперь хоть немного обезопасить себя, посвятив святилище божественным Музам. Ведь это они вдохновляли меня на безумие творчества.

Х е р е й. Так-то оно так, господин, но, думается мне, посетив очередной город, вы вместо того, чтобы размышлять о душе, начнете по привычке высмеивать от мала до велика

всех его жителей. Кидаться, одним словом, на все, что шевелится, как кидается чересчур пылкий юноша на первую попавшуюся гетеру, встретившуюся у него на пути. (*С интересом осматривает стоящую невдалеке гетеру.*)

Э з о п. Поживем, мой друг, – увидим, не стоит раньше срока предвосхищать события!

Во время всего этого разговора ни щ и й постоянно меняет позу, протягивая вперед то одну руку, то другую, то обе вместе, а г е т е р а несколько раз проходит через сцену, покачивая бедрами и демонстрируя все свои прелести.

Х е р е й (Э з о п у) . Посмотрите, господин мой, на эту женщину, – она оказывает вам знаки внимания.

Э з о п. Скорее тебе, Херей, чем мне. Я слишком уродлив, чтобы получать знаки внимания от столь юных особ. Уродлив и стар. Впрочем, спроси, что ей нужно?

Х е р е й (*обращаясь к гетере*). Послушай, красотка, мой господин, – между прочим, известный писатель, – шлет тебе свой привет и желает здравствовать долгие годы. Не хочешь ли и ты отблагодарить его ответным посланием и сказать в свою очередь что-то приятное?

Г е т е р а (*презрительно*). Я? этому низкорослому горбуну? Этому старику с выпученным животом, похожей на котел головой, короткими руками и темной, как у арапа, кожей? Да за кого ты принимаешь меня, негодник? Я, слава

богам, еще не настолько упала, чтобы строить глазки такому калеке. Что я, старуха какая-нибудь, или последняя деревенская шлюха? я, между прочим, городская гетера, живу в Дельфах, и строила глазки не ему, а тебе.

Х е р е й (*протестующе*). Но я всего лишь слуга этого господина! Он, как я уже говорил, известный писатель, и достоин куда как большего уважения, чем то, которое ты ему оказала!

Г е т е р а (*с вызовом*). А мне плевать, писатель он, или не писатель! Пусть он будет хоть жрец самого Аполлона, я и тогда ни за что с ним не пойду, пусть он мне заплатит хоть десять драхм, хоть целую мину! Что я, совсем из ума выжила, чтобы взойти на ложе с подобным красавцем, будь он хоть трижды, хоть сто раз писателем? Да я, между прочим, и читать не умею, так что все эти достоинства для меня пустой звук. Мне важно то, что я вижу.

Х е р е й (*назидательно*). Послушай, красотка, не суди людей по одежке, суди по уму!

Г е т е р а. Да кто ты такой, чтобы заступаться за этого горбуна? Ты что, его близкий родственник?

Х е р е й. Я его раб, а по совместительству ученик, секретарь, слуга, и вообще доверенное лицо, посвященное в самые сокровенные тайны. Говорю тебе, это известный писатель, и его чтит вся Греция!

Г е т е р а (*с интересом, немного смягчаясь*). Что, действительно, известный писатель? А как его звать?

Х е р е й. Звать его господином Эзопом, он родом из Фригии, и пишет басни на греческом языке, которыми восторгается вся Эллада.

Г е т е р а (*еще больше смягчаясь*). А не мог бы ты рассказать мне одну из его басен? Страх как люблю слушать всякие занимательные истории. Особенно жалостливые, и со счастливым концом,

Х е р е й. Пожалуйста. Вот тебе история про лисицу и барса. Лисица и барс спорили, кто красивей. Барс на все лады хвастался своей испещренной шкурой, но лиса ему на это сказала: “Насколько же я красивее, раз у меня не тело испещренное, а душа изощренная!” Басня показывает, что тонкость ума лучше, чем красота тела. Это, между прочим, к нашему разговору имеет непосредственное отношение.

Г е т е р а (*еще больше смягчившись*). Ты так думаешь? А что, много он сочинил подобных историй?

Х е р е й. Достаточно, чтобы рассказывать их с утра и до вечера целый год. Да не хочешь ли послушать какую-нибудь из них в исполнении моего господина? Уверяю, он делает это гораздо лучше, чем я.

Г е т е р а. Пожалуй, хочу.

Х е р е й (*обращаясь к Эзопу*). Пожалуйста, господин Эзоп, расскажите этой юной особе что-нибудь трогательное, из ваших новых вещей. Если не трудно, то про ласточку и ворону. Мне эта басня кажется наиболее уместной в нынешнем разговоре.

Э з о п. Охотно, Херей, но сначала я хотел бы спросить, как зовут нашу очаровательную собеседницу,

Г е т е р а. Коринной. Меня зовут Коринной. Я здешняя гетера, и имею право работать у статуи Аполлона. Я, между прочим, девушка честная, и не прошу больше, чем требуется по закону. Пять драхм за ночь – это не слишком дорого, как вы считаете?

Э з о п. Что ты, Коринна, совсем не дорого. Если хочешь, я дам тебе десять драхм, и вовсе не за право провести с тобой ночь, а за возможность рассказывать тебе свои новые сказки. Или, как говорит мой друг Херей, басни, хоть слово это мне и не совсем по дуде. А сейчас слушай обещанную историю про ласточку и ворону. Ласточка и ворона спорили, кто красивее. И ворона ласточке сказала: “Твоя красота цветет лишь весной, а мое тело и зиму выдерживает”. Так и мое уродство, Коринна, выдерживает злобу и ярость людей. (*Роется в карманах и вынимает оттуда деньги.*) Вот тебе, дитя, десять драхм, и если захочешь, я буду давать тебе столько же за каждую новую басню, Не бойся, я не собираюсь с тобой спать, как остальные, ты вполне устраиваешь меня в роли слушателя.

К о р и н н а (*берет деньги*). Но вы так вполне можете разориться. Я буду слушать вас с утра и до вечера.

Э з о п. Большого счастья я не мог бы пожелать себе даже в мечтах.

К о р и н н а (*засовывает деньги за подвязку*). В таком

случае, до встречи, господин Эзоп, вы самый загадочный человек из всех, кого мне довелось встречать!

Убегает.

Э з о п (*задумчиво*) . Чудесная девушка!

Х е р е й. Да, несомненно. Но это не помешает ей вытянуть из вас все до последней монетки.

Э з о п. Я был бы счастлив, если она это сделает.

Х е р е й (*восхищенно*) . Вы, господин Эзоп, действительно самый удивительный человек из всех, кого мне довелось видеть!

Н и щ и й, *до этого пытавшийся привлечь к себе внимание жестами, не выдерживает, решается на отчаянный шаг, и цепляется за край хитона Э з о п а.*

Н и щ и й. Господин, господин!

Э з о п. Чего ты хочешь? Впрочем (*бьет себя кулаком по лбу*) , о чем я говорю? встреча с этой юной гетерой совсем помutilа мой разум! (*Роется в карманах.*) На вот, возьми, во славу Аполлона и его девяти Муз! (*Кивок в сторону статуи Аполлона.*)

Н и щ и й. Премного благодарен, господин, я помолюсь Аполлону за ваше процветание и долголетие. (*Берет деньги.*) Только, прошу вас, не делайте этого!

Э з о п (*удивленно*). Не делать чего?

Н и щ и й. Не посвящайте святилище Музам, мой господин, а тем более не устанавливайте там статую Мнемозины!

Э з о п (*удивленно*). Но почему, старый пройдоха? почему я не должен этого делать? Мнемозина – это моя покровительница, она вдохновляет меня уже долгие годы.

Н и щ и й. Дельфы, мой господин, – это город светоносного Аполлона. Здесь все крутится вокруг его божественной милости. Здесь пророчествует пифия, вещающая от его имени страшные истины, здесь проводятся Пифийские игры, которым покровительствует бог света и музыки; здесь с его именем люди утром встают с постели, и вечером сладостно засыпают, воздав хвалу златокудрому божеству. Посвятите храм Аполлону, установите внутри его статую, и ваше творчество будет цвести еще многие и многие годы.

Э з о п (*недовольно*). Уж больно ты прыткий, старик, и не похож вовсе на грязного нищего!

Н и щ и й. Я нищий, господин, я всего лишь несчастный нищий. Несчастный и грязный, как изволили вы метко выразиться. Я знаю свое место, и этим местом вполне доволен (*кивок в сторону статуи*). Но и вам, господин Эзоп, не следует прыгать выше своей головы. Не гневите Аполлона, не посвящайте святилища Мнемозине, вспомните судьбу несчастного Марсия. Как бы и с вами не произошло нечто подобное!

Х е р е й. Судьбу сатира Марсия? Того самого, с кого

Аполлон живьем содрал кожу? Не приведи боги повторить кому-то его участь!

Э з о п. Уж не сам ли ты Аполлон, таинственный проицатель? в таком случае знай: тебе не запугать баснописца Эзопа! я верю лишь в свой божественный разум, который выше любых угроз и любых суеверий! Но, скорее всего, ты каркаешь просто так, от нечего делать, Я бы мог по этому случаю рассказать необходимую басню, но уже темнеет, а нам нужно добраться до приличной гостиницы. Прощай, старик, и если ты действительно Аполлон, то помни: меня не так-то легко запугать! (*Уходит вместе с Х е р е м.*)

Н и щ и й. Прощай и ты, баснописец, и не сердись понапрасну на глупого старика!

Некоторое время молча смотрит вслед уходящему Э з о п у, потом проводит рукой по лицу, встряхивает волосами, и они рассыпаются по плечам великолепной золотой волной. Выпрямляется, и молча смотрит в зрительный зал. Теперь его лицо точь-в-точь похоже на лицо статуи, стоящей посередине площади. Зловеще улыбается, уходит в ту же сторону, куда и Э з о п.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Городской рынок.

Э з о п, Х е р е й, т о л п а д е л ь ф и й ц е в. *Здесь же*
А п о л л о н и К о р и н н а.

Э з о п (*прогуливаясь с Х е р е е м*) . Обрати внимание, Херей, какие самодовольные лица у этих дельфийцев! Они полны напускного величия и так довольны собой, что с них вполне можно ваять скульптуры на тему глупости и дешевого чванства. Здесь не хватает великого Фидия, которому вместо божественной Афродиты надо было увековечить в мраморе эти тупые и нахальные морды. Но ничего, Херей, мы восполним эту образовавшуюся пустоту, мы займем место великого Фидия, и тоже увековечим, пускай и не в мраморе, всю подлость и ложь этого города. Нашим камнем будет бумага, а вместо резца мы заострим гусиные перья, которых, я это чувствую, придется купить несколько дюжин.

Х е р е й (*испуганно, уворачиваясь от торговцев и покупателей*). Побойтесь богов, господин Эзоп, чем вам досадили эти дельфийцы? Мы приехали сюда всего лишь вчера, и ни с кем, кроме хозяина гостиницы, решительно не встречались. Когда вы успели составить столь превратное мнение о горожанах?

Э з о п. Мне не требуется, Херей, много времени, чтобы

составить мнение о нравах того или иного города. Я, друг мой, читаю по лицам. А лица здешних людей все до единого настолько гнусны, настолько испещрены следами пороков, что таким же – порочным и гнусным, – должен быть и сам город. Ну а, кроме того, у меня просто чешутся руки. Я, видишь ли, не могу сидеть без работы, и не сочинять басен на тему людского тщеславия и непотребства. Это, друг мой, у меня нечто вроде болезни, и ничего поделать с собой я не могу. Осмеивать и записывать, осмеивать и записывать, – вот призвание всей моей жизни!

Х е р е й (*испуганно*). И вы что же, действительно ничего не можете с собой поделать?

Э з о п (*сокрушенно, с долей притворства*). Не могу. Хотел бы, да не получается, и в этом моя трагедия.

Х е р е й. Но, господин, в таком случае, вы можете нарваться на крупные неприятности. Что, если эти дельфийцы не столь просвещенные, как жители Афин или Коринфа, и воспринимают насмешку не так спокойно и не так добродушно?

Э з о п. Насмешку, Херей, вообще никто не воспринимает спокойно. Просто одни рядятся в шкуры овец, а другие откровенно не прячут своей волчьей сущности. Волков, мой друг, бояться, – в лес не ходить! Кстати, на эту тему есть одна великолепная басня.

Х е р е й. Побойтесь Зевса, господин Эзоп, – хотя бы меня, своего секретаря, не кормите своими великолепными баснями!

Мимо проходят торговец фигами и разносчик воды.

Торговец фигами. А вот сладкие фиги! а вот сладкие фиги!

Разносчик воды. А вот вода из горного озера! а вот вода из горного озера!

Эзоп. Посмотри на этих двух местных ослов! они воображают, что несут дары в священных сосудах, и напускают на себя такой торжественный вид, что кажутся жрецами самого Аполлона. Рядом с ними сама пифия выглядит уличной девкой. Эй, приятель, почему твои фиги?

Торговец фигами. Четыре оболы, мой господин.

Эзоп (*приглядываясь к фигам*). Четыре оболы за такую несвежую дрянь? да они ведь давно прогнили и покрылись червями! впрочем, твое лицо выглядит еще хуже: оно похоже на одну огромную фигу, упавшую с дерева, и раздавленную телегой. Где ты его хранишь по ночам? в корзинке с другими протухшими фигами? Впрочем, оно и понятно, – подобное идет к подобному, как и повелели бессмертные боги; фиги – к фигам, деньги – к деньгам, а дураки, торгующие фигами, – к дуракам! Впрочем, быть может, ты носишь фигу в кармане, и только прикидываешься несведущим простачком? Если так, то это было бы просто великолепно; три фиги в одной упряжке, влекомой одним несносным ослом! С чем я вас,

господин хороший, и поздравляю! (*Отвешивает т о р г о в ц у низкий поклон.*)

Т о р г о в е ц ф и г а м и *стоит, широко открыв рот, и не знает, что ответить.*

Х е р е й (*вполголоса*). Господин, не дразните его, он может обидеться!

Э з о п (*отмахиваясь от Х е р е я*) . Пустое, Херей, пустое, он даже не понял, о чем я ему говорил! Такие болваны обижаются только в одном случае – если их обсчитывают на рынке. Впрочем, он сам кого хочешь обсчитает в два счета. Купи у него пару фиг, и он забудет все, о чем здесь говорилось. (*Р а з н о с ч и к у в о д ы.*) А ты, приятель, почему продаешь свою хрустальную воду?

Р а з н о с ч и к в о д ы. По два оболы, мой господин. Вода свежайшая, утолит жажду и вам, и вашему спутнику. Попробуйте глоточек, если хотите; всего один глоточек, и выпьете до дна весь кувшин, не оставив ни капли.

Э з о п (*принюхиваясь к кувшину*) . Ба! да от твоей хрустальной воды разит не лучше, чем от лошадиной мочи! Ты что, решил меня отравить, подсовывая это неудобоваримое пойло? Все вы, дельфийцы, как я погляжу, на одно лицо, никому из вас нельзя доверять: того и гляди, оставите без гроша доброго путешественника! вы и родную мать не постесняетесь обсчитать, как последнюю шлюху. Да и чего от вас

ждать, если вместо лиц у вас печеные фиговые, а вода воняет лошадиной мочей?! Нет, видимо, не остается мне иного выхода, как рассказать всей честной и благородной Элладе о ваших гнусных и отвратительных нравах!

Х е р е й (*на ухо Э з о п у, вполголоса*). Побойтесь богов, господин, вы восстановите против нас весь город! Вы опять кидаетесь на все, что шевелится, вы опять трахаете всех без разбора!

Э з о п (*также вполголоса*). Пустое, Херей, пустое, это всего лишь торговцы на рынке, они привыкли к подобному обращению.

Т о р г о в е ц ф и г а м и (*неожиданно начинает вопить*). Немыслимо, непостижимо! требую справедливости! Этот человек оскорбил не только меня, но и всех других торговцев на рынке! Никто не может назвать мои фиги гнилыми, да еще в придачу мое лицо, полученное в наследство от почтенных родителей!

Р а з н о с ч и к в о д ы. Эти иностранцы совсем обнаглели! Еще мой дед и отец торговали на рынке хрустальной водой! Мы добываем ее с большими издержками из горного озера, которое находится рядом со святилищем Аполлона! Никто не смеет называть эту воду мочей, никто не смеет оскорблять светоносного бога!

Х е р е й (*с опаской, оглядываясь по сторонам*). Нам лучше побыстрее уйти отсюда, мой господин. Мне кажется, вы слишком сильно раздражили гусей.

Э з о п. Пустое, Херей, пустое, – дразнить гусей – это моя специальность. Именно этим я и занимаюсь последние тридцать лет. Если бы я, мой друг, не дразнил жирных гусей, скоро бы в Элладе жить было нельзя из-за их мерзкого жирного гогота.

Вокруг начинает собираться толпа торговцев, с интересом прислушивающихся к разгорающемуся скандалу. То тут, то там мелькает лицо Аполлона, который переходит от одного торговца к другому, и что-то шепчет им на ухо. Здесь же Коринна.

Продавец птиц. Возмутительно, отвратительно! Какой-то заезжий горбатый урод сравнивает наши лица с гнилыми фигами!

Старуха. Сам низенький, пучеглазый, и брюхо вспучено, а туда же – говорит, что мы провоняли мочой!

Глосавтолле. Мы честные дельфийцы, мы жители священного города! не позволим наглому иностранцу оскорблять наши нравы и наш образ жизни! Не позволим обезьянъему старосте смеяться над нами!

Херей (*выходя вперед, закрывая рукой Эзопа*). Пойдите, граждане дельфийцы, стойте, никто не собирается оскорблять ваши обычаи; никто не собирается смеяться над вами; просто мой господин, известный в Элладе писатель и баснописец, выражается образно и несколько отстраненно.

Что поделывать, господа, таковы все писатели, и не стоит их за это судить слишком строго!

Г о л о с а в т о л п е. А нам плевать, писатель он, или нет! Мы требуем справедливости за фиги и за мочу!

Э з о п (*выходя вперед, отстраняя Х е р е я*). Постой, Херей, постой, я не нуждаюсь в твоей благородной помощи. О чем ты им говоришь, о какой отстраненности и о каких писательских приемах? Да они сроду не слыхали таких слов, им привычней разговоры о репчатом луке да о ценах на помидоры или прошлогоднюю репу. Не надо метать перед нами бисер, не надо делать из мухи слона. Если их не трахать время от времени, они совсем обленятся, и, чего доброго, разучатся разговаривать. (*Обращаясь к т о л п е.*) Вы, друзья мои, своим ранием о справедливости и заботой о чистоте собственного лица заслуживаете, безусловно, самых высоких похвал. Тем более, что оскорбил вашу честь какой-то ничтожный и гнусный старик. К тому же горбатый, пучеглазый и низкорослый, почти что карлик, осмелившийся давать оценку вашему образу жизни.

Г о л о с а в т о л п е. Да, карлик, да, горбун, да, последний коротышка и плут! А еще в придачу дикообраз, горшок толстопузый и мешок наизнанку!

Э з о п. Все так, господа, все так, но послушайте по эту тему одну невинную басню. Зевс сотворил людей и приказал Гермесу влить в них разум. Гермес сделал себе мерку и в каждого вливал поровну. Но получилось, что людей малого

роста эта мерка наполнила до краев, и они стали разумными, а людям рослым питья на всех не хватило, а хватило разве что до колен, и они оказались глупее. Так и вы, господа дельфийцы, ростом, быть может, и вышли, но что касается разума и ясности мысли, то здесь боги явно проявили халатность.

Т о р г о в е ц ф и г а м и. Он по-прежнему издевается над нами!

Р а з н о с ч и к в о д ы. Он оскорбляет наших богов!

Э з о п. Вовсе не так, господа, вовсе не так, тем более, что боги у нас с вами одни и те же, ведь все мы живем в Элладе, и дышим одним эллинским воздухом. Что же касается ваших мозгов, то не могу удержаться, и не процитировать еще одну басню. Лиса забралась в мастерскую лепщика и обшарила все, что там было. И тут ей попалась трагическая маска. Подняла ее лисица и сказала: “Какая голова, а мозгу в ней нет!” Так и вы, господа, телом, быть может, величественны, а душой неразумны, как ослы, или бараны!

П р о д а в е ц п т и ц. Он обозвал нас ослиами!

С т а р у х а. Он сравнил нас с баранами!

Э з о п. Вовсе нет, господа, вовсе нет, вы, безусловно, гораздо разумнее, чем эти бессловесные и покорные твари. Хотя, как я до этого уже говорил, лица ваши настолько схожи с перезрелыми фигами, что вполне способны со временем превратиться в морды неразумных скотов. Все дело, очевидно, в вашей внутренней сущности, и вот на этот счет еще одна басня. Один человек незрячий умел про каждое живот-

ное, которое ему давали в руки, на ощупь угадать, что это такое. И вот однажды ему подложили волчонка; он его ощупал и сказал, раздумывая: “Не знаю, чей это детеныш – волка, лисицы, или еще какого подобного животного, – и одно только знаю: в овечье стадо его лучше не пускать”. Так и ваши, дельфийцы, дурные свойства видны по вашей мерзкой наружности.

Х е р е й (*вполголоса*). Ну, господин, вы перехлестнули через край! не стоило ворошить это осиное гнездо, теперь и до беды недалеко.

Э з о п (*отмахиваясь от него*). Вы, дельфийцы, все тунедцы, вы живете за счет всей остальной Эллады, несущей дары к святилищу Аполлона. Вы питаетесь объедками с жертвенного алтаря, вы подобны падальщикам, кружащим вокруг пиршества львов. (*Замечает Аполлона в облике нищего о.*) Что, нищий, разве я не прав? Разве они не тунедцы? разве они не питаются падалью?

А п о л л о н (*ерничая и кривляясь*). Все так, господин, все так, падальщики, еще какие падальщики! Сами жируют вокруг приношений светозарному Аполлону, а нам, нищим, даже крошки не могут подать. (*Начинает вопить.*) Подайте, господин хороший, несчастному нищему! подайте, чего не жалко, во славу бессмертных богов!

Э з о п. Полно, полно, не строй из себя юродивого, ты не так прост, как кажешься с первого взгляда; твои глаза тебя выдают; на тебе обол, и помолись богам за здоровье Эзопа,

оно ему, чувствую, еще пригодится. (*Бросает деньги.*)

А п о л л о н (*поднимая монету*). Премного благодарен, господин, премного благодарен! Громи, господин, этих трутней дельфийцев, не оставляй от них мокрого места! (*Поспешно смешивается с толпой.*)

Т о л п а. Святотатство, святотатство, он ставит нищего выше дельфийцев!

Э з о п. Это ли, друзья мои, святотатство? Не только нищие, но и гетеры, последние базарные шлюхи, отдающиеся за обол первому встречному, выше, чем лучшие ваши граждане! (*Вытаскивает за руку из толпы К о р и н н у.*) Вот, смотрите, смотрите, это Коринна, гетера из Дельф. Я провозглашаю ее царицей вашего города, отныне вы должны ей поклоняться и оказывать необходимое уважение. На вот, милая, на (*вынимает из кармана пригоршню монет, и сует ей в руки*), купи себе соответствующее одеяние и какой-нибудь трон; будешь сидеть посреди рыночной площади, и принимать почести от этих ослов; на большее они просто-напросто неспособны!

Т о л п а. Святотатство, святотатство! он провозгласил гетеру царицей города, он оскорбил нас до глубины души!

К о р и н н а берет деньги, вежливо приседает, говорит: "Благодарю, господин!", и сразу же исчезает.

Т о л п а расступается и пропускает вперед А н т и ф о н т а и М е н е к р а т а.

А н т и ф о н т. Я Антифонт, а это Менекрат, мы оба члены городского Ареопага. Кто вы такие и что здесь происходит?

Э з о п. Я Эзоп, литератор, прибыл в Дельфы по личному делу, а это Херей, мой секретарь.

М е н е к р а т. Дельфы – священный город, здесь находится оракул нашего покровителя Аполлона. Здесь все личное так или иначе подчинено общественной необходимости. Не могли бы вы конкретно сказать, в чем суть вашего личного дела?

Э з о п. Охотно, в этом нет никакого секрета. Я хочу воздвигнуть святилище Мнемозине, моей покровительнице.

А н т и ф о н т. Мнемозине? Но почему именно ей, и почему именно в Дельфах? Разве вы не могли выбрать для этой цели какой-то иной город?

Х е р е й (*выходя вперед*). Сейчас, господа, сейчас я вам все объясню. Видите – ли, мой покровитель (*жест рукой в сторону Э з о п а*), известный в Элладе литератор и баснописец, пользуется особым расположением Мнемозины. Именно она диктует ему все те истории, скромно называемые баснями, которые вы, очевидно, читали.

М е н е к р а т. Разумеется, мы читали басни Эзопа и приветствуем его появление в Дельфах (*отвешивает Э з о п у поклон, то же самое делает и А н т и ф о н т*). Но основывать здесь святилище Мнемозине было бы великой ошибкой, Аполлон не простил бы такого пренебрежения к своей

священной особе. В Дельфах святилища воздвигаются ему, и только ему. Вам следует поискать для этой цели другой город.

Э з о п (упрямо наклоняя голову) . И все же я воздвигну его в Дельфах!

М е н е к р а т . Дело ваше, но мы доложим обо всем высокому Ареопагу.

Из толпы выходит А п о л л о н и, на цыпочках подойдя к Антифонт у, что-то шепчет ему на ухо.

А н т и ф о н т (удивленно, подняв брови) . Нам докладывают о беспорядках на рынке.

А п о л л о н переходит к М е н е к р а т у и, в свою очередь, что-то нашептывает ему.

М е н е к р а т . А также о богохульственных высказываниях.

Т о р г о в е ц ф и г а м и . Этот иностранец сравнил дельфийцев с перезрелыми фигами!

Р а з н о с ч и к в о д ы . Он утверждал, что мы провоняли лошадиной мочой!

П р о д а в е ц п т и ц . Он обозвал нас тунеядцами, питающимися крошками с жертвенника Аполлона, и обещал рассказать об этом всей остальной Эллад!

Старуха. Он объявил гетеру царицей Дельф! Он оскорбил Аполлона, сравнив его с грязной шлюхой!

Голосавтолпе. Требуем суда высокого Ареопага! Требуем суда высокого Ареопага!

Антифонт. Глас народа – глас божий! обо всем здесь происшедшем будет доложено Ареопагу. Что же касается вас, господин Эзоп, то до окончательного прояснения дела вам возбраняется покидать Дельфы. Вполне возможно, что за богохульство и оскорбление горожан вы будете осуждены.

Голосавтолпе. Осужден! осужден! Этот кухонный огрызок будет осужден высоким Ареопагом!

Эзоп. Я свободный человек, и волен жить там, где хочу. Судить меня могут лишь бессмертные боги. На земле еще никому не удавалось осудить Эзопа. Вообще же, господа, на эту тему есть один поучительный анекдот. Или, если желаете, басня. Птицелов взял птичий клей и прутья и отправился на охоту. Увидел он дрозда на высоком дереве и захотел его изловить. Он связал свои прутья конец с концом и стал зорко всматриваться вверх, ни о чем более не думая. И, засмотревшись ввысь, не заметил у себя под ногами аспида, наступил на него, а тот извернулся и его ужалил. Испуская дух, сказал птицелов сам себе: “Несчастный я! хотел поймать другого, а не заметил, как сам попался и погиб!” Так и вам, господа, не стоило бы строить козни против Эзопа. Не по зубам вам эта птица!

Менекрат. Ничего, суд в Дельфах скорый и справед-

ливый. Он быстро решит, по зубам ты нам, или не по зубам!

Делает знак толпе, и та расходится.

Эзоп с Хереем также уходят.

Менекрат и Антифонт молча глядят в зрительный зал.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Открытое место в горах. Только что построенное святилище Мнемозины: белый храм с колоннами, в глубине которых видна статуя богини. В стороне справа храм Аполлона, перед ним треножник, рядом с которым пифия и осуждающие фигуры жрецов. Рядом с новым святилищем Мнемозины – толпа народа, здесь же Эзоп, Херей, Коринна с царской шутовской короной на голове и в таком же царственном одеянии, Менекрат, Антифонт, другие члены Ареопага. Среди толпы то тут, то там мелькает лицо Аполлона.

Первая женщина. Нам объявили, что будет необыкновенное зрелище, а мы толпимся здесь уже три часа, и видим только горы, да рожи своих же товарок по рынку, от которых тошнит не меньше, чем от этого бесконечного ожидания.

Вторая женщина. Твоя правда, подруга, ждать да догонять – самое последнее дело. Уж лучше бы я стояла на рынке, и торговала свежими овощами, чем видела эти подлые хари, в том числе и твою, которая осточертела мне еще в позапрошлом году.

Первая женщина. Ах ты, мерзавка, украла у меня тележку со спаржей, и до сих пор не вернула четыре обола!

Сама ты подлая харя, а овощи у тебя лежалые и воняют селедкой!

В т о р а я ж е н щ и н а. Это у меня овощи воняют селедкой? Да у тебя самой лицо как селедка, и покупатели предпочитают брать товар у других, и не подходить к такой тухлой рыбе, как ты!

П е р в а я ж е н щ и н а (*колотит ее по спине*). Это я тухлая рыба? Вот тебе, вот тебе, получай, базарная шлюха!

В т о р а я ж е н щ и н а (*хватает ее за волосы*). Это я базарная шлюха? Ну погоди, сейчас мы посмотрим, какого качества твои жидкие пакли!

Умолкают, и молча возятся на земле, стараясь выцарапать друг другу глаза и вырвать как можно больше волос.

П е р в ы й м у ж ч и н а. Мне сказали, что приехал цирк из Коринфа, а вместо этого я вижу какого-то карлика с головой, похожей на огромный котел, и рядом с ним шлюху, одетую в царственные одежды, которая еще недавно продавалась на площади за четыре обола. Если это и есть обещанное представление, то я даром теряю драгоценное время. Уж лучше бы я стоял в очереди к жертвеннику Аполлона, надеясь получить кусок обгорелого мяса, которым жрецы снабжают всех горожан.

В т о р о й м у ж ч и н а. Да нет, вовсе это не цирк, а открытие какого-то храма, во время которого, твоя правда,

обещали показать живые картины. Эта шлюха для того так и оделась, чтобы посмешить народ перед тем, как храм будет открыт.

П е р в ы й м у ж ч и н а. Если так, то быстрее бы она смешила, и быстрее бы его открывали, а то солнце уже в зените, а мы еще не видели ничего, кроме одетой царицей девки, и двух дерущихся из-за пучка зелени баб! *(Показывает на дерущихся ж е н щ и н.)*

А н т и ф о н т *(беря за локоть М е н е к р а т а, и отводя его в сторону).* Как вам нравится нынешнее представление? Мало того, что этот горбун нарушил постановление Ареопага, и в короткие сроки воздвиг-таки святилище Мнемозине, так он еще и устраивает дешевое представление, приводя сюда эту шлюху, разряженную, как царица. А ведь его официально предупреждали, чтобы он не возводил никаких святилищ, кроме тех, которые посвящены Аполлону!

М е н е к р а т. А вы знаете, что происходит на рынке? Эта дешевая шлюха, которую он объявил царицей города, восседает теперь на троне, купленном у заезжих артистов, и народ поклоняется ей, как божеству. Народ вообще у нас не видит разницы между божественным и комическим, и готов поклоняться кому угодно, в том числе и продажной девке, сидящей на золотом табурете посреди телег с щавелем и укропом!

А н т и ф о н т. И это лишний раз, дорогой коллега, показывает, что мы должны действовать в высшей степени осмот-

рительно, и не позволить этому безумцу, называемому нас тунейдцами, основать здесь новый культ. Мы все, чего греха таить, кормимся от жертвенника Аполлона (*жест в сторону храма Аполлона*), и возведение здесь иного святилища в конце-концов приведет к упадку города. Может быть, Мнемозина и диктует ему его басни, но нас она баснями не накормит. Надо быть бдительным, и ждать любой его, даже самой малейшей, оплошности. Надеюсь, стража уже наготове, и выполнит то, что ей было приказано?

М е н е к р а т. Да, его схватят по первому же нашему жесту.

Уходят в сторону.

Около святилища Мнемозины начинается оживление.

Х е р е й (*выходя вперед, поднимая вверх руку*). Внимание, внимание, господа, еще немного, и вы будете вознаграждены за столь долгое ожидание, вызванное тем, что в святилище Мнемозины устранялись последние недоделки. Разные, знаете ли, мелочи, вроде покраски стен и придания торжественного выражения богине, которая является покровительницей моего достославного господина Эзопа. Вы все, очевидно, слышали его нравоучительные басни, которые в огромном количестве разошлись по Элладе и всему остальному античному миру. Эти басни принесли ему всемирную славу, и вот теперь господин Эзоп, желая возблагодарить мудрую богиню

памяти, посвящает ей это святилище. Отныне в вашем городе будет два божества, и это раздвинет ваш суженный кругозор, сделав значительно воспитанней и просвещенней. Впрочем, пусть лучше сам господин Эзоп скажет это вам своими словами. Слушайте, граждане Дельф, речь великого баснописца, и запоминайте ее, чтобы потом, по прошествии лет, передать своим детям и внукам!

Г о л о с а в т о л п е. Святотатство, святотатство! Нам не нужны новые боги! Мы поклоняемся златокудрому Аполлону, богу света и мщения! Нас не накормят басни какого-то заезжего коротышки! Нам ни к чему святилище Мнемозины!

Э з о п (*выходя вперед, также поднимая вверх руку*). Спокойней, граждане Дельф, спокойней, не надо так волноваться, поберегите свои волнения на потом, когда в конце сегодняшней церемонии вы все получите значительные подарки: сборники басен с моими автографами, а также дождь из разного рода монет, который вот эта прелестная девушка (*вытаскивает вперед К о р и н н у*) прольет на вас из своей чудесной корзинки! (*Берет из рук К о р и н н ы наполненную монетами корзинку, и с трудом поднимает ее вверх*). Кроме того, позвольте решать просвещенным людям, нужны вам басни заезжего литератора, или они вам не нужны. Многое, знаете – ли, видится гораздо проще и глубже, если получишь классическое образование, а не будешь, как многие из вас, влачить свою жизнь в грехах и пороках, питаясь

крохами с жертвенника Аполлона. Вот вам, кстати, на эту тему одна чудесная басня. Лисица и крокодил спорили, кто знатней. Много наговорил крокодил о славе своих предков, и, наконец, заявил, что праотцы его были гимнасиархами. Лисица на это ответила: “И не говори! даже по шкуре твоей видно, как усердно ты трудился в гимнасии”. Так и по вашим лицам, дельфийцы, видно насколько вы глупы, и насколько необразованны, ибо зачем образование тем, кто побирается около священного жертвенника? По вашим дубленым крокодиловым шкурам видно, насколько вы тупы и нахальны, живя за счет остальной Эллады, которая носит дары светоносному богу. Вы, дельфийцы, хищные крокодилы, деклассированные элементы, предпочитающие проводить свои дни в собирании крошек рядом с храмом светоносного бога. Вы тунеядцы, живущие за счет всей остальной Греции. Вы провоняли лошадиной мочой невежества и разврата. На ваших лицах, похожих на перезрелые фиги, навек застыла печать лени и чванства. И вот наконец, образно выражаясь, нашлась среди вас лисица, которая, возможно, расшевелит ваше сонное и тупое благополучие. Идите же сюда, под своды этого нового храма, и несите дары богине мудрости и прогресса, а не светоносному жестокому богу, которому вы нужны как муравьи, копошащиеся в крошках с его жертвенного стола!

Г о л о с а в т о л п е. Богохульство, богохульство! Он оскорбил светоносного бога!

Э з о п (*поднимая вверх руку*). Тише, дельфийцы, тише, не

стоит так громко выразить возмущение. Вот вам в качестве компенсации за крокодилов и перезрелые фиги несколько горстей полновесных монет, которые сразу же успокоят ваше встревоженное самолюбие!

Делает знак К о р и н н е, и та швыряет в т о л п у несколько горстей монет из корзинки. В т о л п е начинается дав-ка. Слышатся возгласы: “Это мое, это я первый заметил!”, “Куда прешь, грязная торговка салатом, сейчас как дам в харю, и не обрадуешься, что на свет родилась!”, и пр.

Э з о п (некоторое время с удовольствием взирает на суматоху, вызванную градом монет). Ну все, господа дельфийцы, все, хватит ползать на брюхе, пора поднять голову вверх, и взглянуть на этот прекрасный храм, который отныне, я на это надеюсь, станет местным центром образования и прогресса.

П е р в а я ж е н щ и н а (сжимая в руке мелкую монету). Это что же получается: что я теперь стану образованной и буду говорить о высоких материях? Я, всю жизнь торговавшая шпинатом на рынке?

В т о р а я ж е н щ и н а (пробуя надкусить золотую драхму). А я, чьи родители, а также родители их родителей, а также все предки до двенадцатого колена снабжали зеленую жрецов Аполлона, и получали за это то кусок обгорелого мяса, то совсем еще свежие внутренности жертвенного жи-

вотного, – что же теперь буду делать я? Кормиться баснями от щедрот Мнемозины?

Х е р е й (*успокаивает их*). Вам, почтенные женщины, надо будет теперь перестроиться. Стыдно быть попрошайками, и служить насмешкой для всей Эллады.

П е р в ы й м у ж ч и н а. Мы ничего не умеем, кроме как обслуживать туристов, вопрошающих пифию. Это наш образ жизни, и мы не можем себя изменить!

В т о р о й м у ж ч и н а. Может быть для вас, образованных, люмпены – это ругательство, а мы не можем жить по-другому. Да, мы город люмпенов, только не надо говорить об этом всей Греции!

Х е р е й. Господа, господа, посещая храм Мнемозины, вы вскоре станете совершенно иными. Вы станете с отвращением взирать на свое прошлое, и будете отправлять своих сыновей в лучшие университеты Европы!

Т о р г о в е ц ф и г а м и. Нам не нужны университеты Европы, с нас хватит и Дельф, мы не претендуем на что-либо большее!

Р а з н о с ч и к в о д ы. Мы люди маленькие, нам достаточно два-три оболы, поданных туристами, да кусочек обгорелого мяса, которым исправно снабжают нас жрецы Аполлона!

П р о д а в е ц п т и ц. Мы привыкли быть тунеядцами, и просить милостыню у светоносного бога! Мы привыкли обслуживать заезжих туристов, нам нравится жить в шкуре лакеев!

Э з о п (*гневно*). Тупые скоты! лакеи, люмпены, живущие за счет заезжих туристов! вы не просто провоняли лошадиной мочой, она впиталась в вашу кровь, и размягчила ваши мозги настолько, что вы уже неспособны мыслить. Ваши хари на просто похожи на перезрелые фиги, на них написаны все пороки, все язвы, которые только возможно найти в этом мире. Вы действительно достойны того, чтобы последняя шлюха была вашей царицей! (*Отвешивает поклон К о р и н н е.*) Торжествуйте же, убогие рабы собственного невежества, и кормитесь хотя бы сегодня крохами со стола баснописца Эзопа, который искренне и от души вас презирает! (*Хватает из корзинки пригоршнями монеты, и швыряет их в т о л п у.*) Вот вам, вот вам, местные падальщики, вот вам золото баснописца Эзопа, которое гораздо весомей жалких подачек вашего жалкого и надменного бога!

Г о л о с а в т о л п е. Кощунство, кощунство, он вновь оскорбил Аполлона! Эта собака в корзинке, эта ошибка рода людского вновь осудила наш образ жизни! Требуем суда высокого Ареопага, требуем арестовать наглого иностранца!

Один из жрецов, стоящих около храма Аполлона, гневно указывает рукой на Э з о п а, и неожиданно появившаяся стража хватает его. Корзинка выскальзывает из рук К о р и н н ы, и толпа бросается подбирать рассыпавшиеся монеты. Антифонт и Менеkrat подходят к Э з о п у.

А н т и ф о н т. Господин Эзоп, терпение дельфийцев превзошло всяческие пределы. Именем высокого Ареопага, который временно смотрел сквозь пальцы на ваши безумства, вы арестовываетесь, и препровождаетесь в тюрьму для проведения следствия. Храм Мнемозины, который вы, вопреки советам, все же построили, будет временно опечатан, а в дальнейшем превращен в склад для хранения подношений, полученных пифией!

Э з о п (*протестуя, пытаясь вырваться из рук стражи*). Вы не можете так поступить с богиней! Мнемозина не простит вас, и лишит тех жалких остатков разума, который еще сохранился у некоторых ваших сограждан.

М е н е к р а т (*насмешливо*). Быть может, она еще и перестанет диктовать нам забавные сказочки, которые вы называете баснями? Кормите своими баснями, господин Эзоп, каких-нибудь других соловьев, но только не здешних. Здесь вы не найдете себе благодарных слушателей.

Э з о п. Возможно, господин Менекрат, возможно, но все же позвольте по этому случаю процитировать одну забавную, как выражаетесь вы, сказочку. Лисица никогда в жизни не видела льва, И вот, встретясь с ним нечаянно и увидев его в первый раз, она так перепугалась, что еле осталась жива; во второй раз встретясь, опять испугалась, но уже не так сильно, как впервые; а в третий раз увидев его, она расхрабрилась до того, что подошла и с ним заговорила. Ко всему страшному, господа, можно привыкнуть, и я, слыша ваши угрозы не пер-

вый раз, отношусь к ним спокойно. Ваша львиная сущность не сможет испугать баснописца Эзопа!

А н т и ф о н т. Поглядим, господин всезнайка, что вы запоете в тюрьме. Интересно, какими сказочками будете вы кормить здешних львов? Дельфы не простят вам оскорбления Аполлона! Дельфы не простят покушения на образ жизни своих сограждан!

Э з о п. Такая ничтожная букашка, как человек, не может оскорбить всесильного бога. Каждый должен знать свое место, и баснописец Эзоп знает свое. Впрочем, от судьбы уйти невозможно. Вот вам, кстати, еще одна сказка на эту тему. Одна женщина гадала о судьбе своего сына, и гадатели сказали ей, что смерть ему принесет ворон...

А н т и ф о н т (*перебивая его*). Полно, господин баснописец, полно, будете тюремным крысам рассказывать свои страшные байки. Думаю, что они оценят их по достоинству. Жителям же Дельф ваше присутствие не по нутру. Так же, как и божественному Аполлону. Думаю, что он еще напомнит вам о себе. (*Делает знак с т р а ж е.*) Уведите преступника, он оскорбил светоносного бога, и до особого указания Ареопага должен содержаться в тюрьме!

С т р а ж а *уводит Э з о п а.*

Из толпы внезапно показывается А п о л л о н, на миг распускает свои золотые волосы, и они рассыпаются у него по плечам нестерпимо блестящей волной. Потом исчезает.

*Э з о п, увидев златокудрого бога, испуганно закрывает
рукой глаза.*

*К о р и н н а в царском одеянии растерянно протягивает
руки в сторону уводимого Э з о п а.*

М е н е к р а т делает знак толпе, и та поспешно уходит.

Х е р е й (К о р и н н е). Пойдемте, царица, и мы. Думаю,
что наши золотые денечки закончились, и мы теперь осиро-
тели навечно.

Уходят

*Сцена пустая. В стороне, у храма Аполлона, группа непо-
движных ж р е ц о в в белых хламидах. Около них одетая в
черное п и ф и я.*

*П и ф и я (выходя на середину сцены, пророческим голо-
сом).*

Белые мухи,
Черные вороны,
Вейтесь над нами,
Кружитесь в веселье!
Пойте победную песнь
Свету, любви, божеству!
Бог светоносный придет,
Кровью испачкан весь рот,
Смерть осквернителя ждет,

Враг от судьбы не уйдет!
Тянутся нити судьбы,
Прялка чуть слышно жужжит,
Скоро окончится срок,
Кровью умоется бог.
Бог светоносной судьбы,
Бог небывалых затей,
Будут дарованы всем
Радость, печали и смерть,
Белые мухи,
Черные вороны,
Вейтесь над нами,
Кружитесь в веселье!
Пойте победную песнь
Свету, любви, божеству!
Бог светоносный придет,
Кровью испачкан весь рот,
Смерть осквернителя ждет,
Враг от судьбы не уйдет!

Долго, молча, не отрывая глаз, смотрит в зрительный зал.

З а н а в е с .

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Помещение в виде амфитеатра, в котором заседает городской Ареопаг. Ораторы и свидетели выступают внизу, на ровной круглой площадке, члены Ареопага сидят на полукруглых скамьях, расположенных выше. Здесь же Антифонт и Менеkrat.

Антифонт (*обращаясь к присутствующим*). Позвольте, господа, изложить вам все обстоятельства этого дела. Оно крайне серьезно, и требует нашего немедленного вмешательства. Я бы даже сказал, что мы никогда еще не встречались со столь серьезной проблемой, и от того, как мы к ней отнесемся, зависит будущность Дельф. Мы, без преувеличения, подошли к той опасной черте, когда весь наш привычный уклад, спокойствие горожан, годами проверенный бизнес и даже покровительство самого Аполлона, – все это может вмиг рухнуть из-за амбиций одного единственного человека.

Председатель (*с места*). Не преувеличиваете ли вы, Антифонт, важность проблемы?

Антифонт. Ничуть. Быть может, я ее даже преумень-

шаю. Вы, господин председатель, конечно, знаете, что наше благополучие держится на покровительстве Аполлона, и на тех толпах туристов, которые стекаются сюда со всей Греции, чтобы услышать предсказание пифии. Мы все живем за счет этих туристов, мы все живем за счет тех даров, которые текут к нам полноводной рекой со всей остальной Эллады, и наполняют изо дня в день наши кошельки и наши желудки. Я буду говорить откровенно: мы давно разучились работать, ибо нам не к чему это делать. Дары, приносимые к жертвеннику Аполлона, полностью покрывают все наши потребности. В некотором смысле мы тунеядцы, но зачем же говорить об этом так громко? Тем более заезжему иностранцу, который грозитя разоблачить нас перед всем эллинским миром?

П р е д с е д а т е л ь. Расскажите еще раз, кто он такой, и с какой целью явился к нам в город? Все необходимые бумаги мне подготовили (*смотрит в бумаги*), но, тем не менее, хотелось бы услышать мнение очевидца.

А н т и ф о н т. Это известный баснописец Эзоп, сказки которого изучают даже в гимназиях, и который вдвойне опасен именно из-за его литературного дара. Явился же он к нам для того, чтобы основать здесь святилище Мнемозины, своей, как он считает, божественной покровительницы, которая, якобы, и диктует ему его сказки. Святилище это, кстати, было открыто два дня назад, о чем все здесь присутствующие, разумеется, хорошо осведомлены. Это взбудоражило город настолько, что люди уже не знают, какому богу

служить, и кому теперь поклоняться: Аполлону, или ново-
явленной Мнемозине? К тому же, во время открытия ново-
го храма баснописец Эзоп говорил непристойности, задева-
ющие честь самого Аполлона. Такое, господин председатель,
не прощается ни на земле, ни на небе.

М е н е к р а т (*спускаясь вниз*). Позвольте, уважаемые
члены Ареопага, я расскажу об этом немного подробнее.

П р е д с е д а т е л ь. Разумеется, Менекрат, внесите яс-
ность в этот вопрос.

А н т и ф о н т *отвешивает поклон присутствующим и садится на место.*

М е н е к р а т. Мой коллега и друг Антифонт говорил, что
появление в Дельфах господина Эзопа поставило под сомне-
ние существование самих наших основ. Этот слишком про-
нырливый борзописец, – а иного слова я, господа, подобрать
не могу, – подобен нашествию полчища варваров, и против
него необходимо выступить сомкнутым строем и в полном
вооружении. Оставим в стороне все его мелкие прегреше-
ния, вроде оскорблений торговцев на рынке, угроз расска-
зать всей Элладе о нашем якобы недостойном образе жиз-
ни и о желании написать об этом едкие басни. Оставим в
стороне это шутовское коронование грязной уличной шлю-
хи, которая теперь целыми днями восседает на рынке на шу-
товском троне, и с такой же шутовской короной на голове,

и, говорят, пользуется огромным успехом у местной черни. Что скрывать, господа, мы – город люмпенов, питающихся крохами с жертвенника Аполлона. До сих пор нам удавалось держать их в узде, проводя политику кнута и пряника, умело играя на грязных инстинктах черни. Но долго так продолжаться не может ибо у черни появился новый кумир, а вскоре, чего доброго, появится новый бог. Они пойдут за этим Эзопом и этой новоявленной рыночной королевой, и будут молиться не светозарному Аполлону, а сборнику едких сказочек, которые напишет для них этот пачкун. Практически это уже происходит, ведь теперь, с открытием святилища Мнемозине, многие отказываются приносить дары Аполлону. Это грозит огромными бедствиями не только нам, но и всей Греции, ибо люди, специально приезжающие сюда, чтобы задать вопрос пифии, будут лишены этой возможности. Полководцы не будут знать, когда им надо выступать против врага; города не смогут задать вопрос, следует ли им мириться с соседними полисами; невозможно будет определить начало и конец Олимпийских и многих других игр; я уж не говорю об оракулах, данных обычным людям, которые обращаются к пифии с личными просьбами. Во имя процветания Дельф, во имя процветания Греции, ваша честь, этот человек должен быть осужден!

П р е с е д а т е л ь. А что говорят жрецы Аполлона?

М е н е к р а т. Они возмущены оскорблением нашего главного божества. Они уверены, что Аполлон отвернется от

Дельф, если означенный баснописец Эзоп не понесет наказания.

П р е д с е д а т е л ь. А что говорит пифия?

М е н е к р а т. Она предрекает страшные бедствия: войны, мор, глад, и разрушение Дельф до полного основания. Она говорит, что смягчится только тогда, когда умоет лицо и руки в крови Эзопа.

П р е д с е д а т е л ь. Но мы не можем осудить человека заочно! Пусть даже такого злодея, как этот известный всей Греции баснописец. Мы должны выслушать мнение самого обвиняемого, и, кроме того, надо назначить ему адвоката.

М е н е к р а т. Адвокат уже есть, это его секретарь Херей, бывший раб, а ныне вольноотпущенник, и поверенный самых потаенных мыслей этого наглеца. Он ждет вместе со своим господином за дверью, и уже готов, в случае необходимости, его защищать.

П р е д с е д а т е л ь. Ну что же, пусть введут их обоих!

М е н е к р а т делает знак, дверь открывается, и на просцениум выводят скованного цепью Э з о п а.

Следом за ним входит Х е р е й.

М е н е к р а т возвращается на место.

Э з о п (*обводя глазами присутствующих*). Баснописец Эзоп приветствует высокий Ареопаг! Не обижайтесь, господа, но все это собрание напоминает мне разговор, ко-

торый однажды произошел между львами и зайцами. Зайцы в народном собрании говорили речи, что все во всем равны, но львы возразили: “Вашим доводам, зайцы, не хватает только наших зубов и когтей!” Так и я предвижу заранее, что все мои доводы в собственную защиту разобьются о ваши зубы и когти, и что, попав к вам в лапы, я уже не смогу из них выбраться!

П р е д с е д а т е л ь. Вы догадливы, господин Эзоп, ибо обвинения, выдвинутые против вас, настолько серьезны, что я даже не представляю себе, как вы сможете их опровергнуть. Впрочем, Ареопаг города Дельфы не осуждает никого без достаточных обвинений, и вы вправе воспользоваться защитой своего собственного секретаря.

Э з о п. Так это что, суд?

П р е д с е д а т е л ь. Да, господин Эзоп, суд, и, если вы ничего не вместе против, мы приступим к рассмотрению дела.

Э з о п (с вызовом). В чем меня обвиняют?

П р е д с е д а т е л ь. Все обвинения, господин баснописец, суммируются в одно: вы обвиняетесь в богохульстве и в нанесении смертельного оскорбления нашему покровителю Аполлону. Хочу сразу же предупредить, что, если вы не сможете оправдаться, вас ждет позорная смерть.

Э з о п. Какая именно?

П р е д с е д а т е л ь. Вы будете сброшены со скалы.

Э з о п. Вы не имеете права судить баснописца Эзопа! Я

свободный человек, мое творчество принадлежит всей Элладе, и судить меня может лишь вся Эллада!

П р е д с е д а т е л ь. В нашем городе существуют свои законы! (*Смотрит в бумаги.*) Итак, вы подтверждаете, что вы – известный в Греции баснописец Эзоп, автор многих бестселлеров и даже престижных всегреческих премий?

Э з о п. Да, подтверждаю.

П р е д с е д а т е л ь. Вы родились во Фригии, и были рабом на Самосе, где, по легенде, вас пожалела жрица Исиды, и после ее молитвы к богине вы неожиданно обрели дар баснописца?

Э з о п. Да, все было именно так,

П р е д с е д а т е л ь (*опять смотрит в бумаги*). Вы путешествовали по Греции, были в Сирии и Египте, дружили даже с царем Крезом, и по его просьбе записали свои основные басни?

Э з о п. Вы хорошо осведомлены.

П р е д с е д а т е л ь. Пустое. Всего лишь работа моих секретарей. (*Продолжает.*) Вы считаете своей покровительницей Мнемозину, богиню памяти, которая, якобы, и диктует вам ваши басни?

Э з о п (*выпрямляется, гордо*). Да, это так!

П р е д с е д а т е л ь. Вам недавно исполнилось пятьдесят, и вы без приглашения явились в Дельфы, основав здесь святилище Мнемозине? Почему вы не выбрали для этой цели какой-то иной греческий город?

Э з о п. Я свободный человек, и волен путешествовать там, где хочу.

П р е д с е д а т е л ь. Вы понимаете, что, построив святилище в Дельфах, вы смертельно оскорбили не только его жителей, но и Аполлона, который по праву считает этот город своим?

Э з о п. Меня не интересует мнение Аполлона. Он волен оскорбляться на что угодно, к баснописцу Эзопу это отношения не имеет!

П р е д с е д а т е л ь. Вы что, атеист!

Э з о п. Я верю лишь в свой божественный разум, который выше любых суеверий.

П р е д с е д а т е л ь. Вы богохульствуете, господин баснописец, и это лишает вас какой-либо возможности оправдаться! Впрочем, предоставим слово вашей защите! (*Делает знак Х е р е ю.*) Итак, господин секретарь, что вы можете сказать в защиту своего подопечного?

Х е р е й (*выходя на просцениум*). Прежде всего то, что Эзоп – это достояние всей Греции. Судить его – значит нанести оскорбление всему эллинскому сообществу. Вы поднимаете руку на всеобщее достояние, и будете за это неизбежно наказаны!

А н т и ф о н т (*с места*). Не смешите нас, господин секретарь, нас не запугать призрачными угрозами. Вы можете сказать что-то конкретное?

Х е р е й. Раз уж я выступаю, как адвокат, то заявляю,

что мой подзащитный полностью невиновен. Он ни разу не оскорбил Аполлона, и должен быть поэтому выпущен на свободу!

Антифонт (*с места*). У нас, господин адвокат, имеются противоположные доказательства! (*Делает знак страже.*) Введите свидетеля!

На просцениум выходит Аполлон в облике нищего.

Антифонт. Свидетель, вы узнаете этого человека? (*Указывает на Эзопа.*)

Аполлон. Да, господин, я его узнаю. Он поносил нашего покровителя Аполлона, плевался на его статую, и даже пару раз помочился на его божественное изваяние. Я простой нищий, и собираю милостыню рядом с памятником златокудрого бога, но даже меня возмутило поведение этого человека. (*С вызовом смотрит на Эзопа.*)

Херей. Неправда, нищий, тебя подкупили! Мой подзащитный – человек благородный, и не мог совершить таких низких поступков!

Аполлон (*гордо выпрямляется, и на миг присутствует у ющих ослепляет нестерпимый блеск его золотых волос*). Я простой нищий, но одновременно я человек свободный, и меня нельзя подкупить в таких важных вопросах. Заявляю вам, что сказанное мной чистая правда, и этот человек действительно оскорбил божественного Аполлона!

А н т и ф о н т (*наигранно*). Чего же вам еще надо, уважаемые члены Ареопага? Каких еще иных доказательств вы потребуете, чтобы осудить этого иностранца? Мочиться на статую Аполлона, плевать на нее, и наносить ему словесные оскорбления, – разве может быть что-либо ужаснее этих деяний?!

М е н е к р а т (*вскакивая с места*). Баснописец Эзоп должен быть осужден на позорную смерть!

Х е р е й. Вы не посмеете, свидетеля подкупили!

Г о л о с а с м е с т. Смерть осквернителю! Смерть иностранцу!

П р е д с е д а т е л ь (*поднимаясь с места*). Прошу членов Ареопага проголосовать. Тот, кто голосует за смерть, должен подняться с места. Тот же, кто придерживается противоположного мнения, пусть сидит, как и раньше.

Все члены Ареопага встают.

Херей в ужасе закрывает лицо руками.

Эзоп невозмутим и с презрением смотрит на присутствующих.

П р е д с е д а т е л ь (*обводит взглядом амфитеатр*). Итак, все решено. Вы, господин Эзоп, признаны виновным в оскорблении нашего покровителя Аполлона. Судом Ареопага города Дельфы вы приговариваетесь в позорной смерти. Завтра утром вас сбросят с высокой скалы, которая, кста-

ти, расположена рядом со святилищем Мнемозины. Само же святилище будет разрушено, и тем самым хаос и смута, принесенные вами в наш город, исчезнут сами собой. Если хотите, можете сказать свое последнее слово. Не думаю, что у вас еще когда-либо появится возможность выступать перед столь уважаемой аудиторией. Разве что на небесах, в окружении Мнемозины и ее божественных Муз.

Э з о п. Благодарю вас, господин председатель, я воспользуюсь этой возможностью. Баснописец Эзоп привык к разным аудиториям. Он выступал и перед царями, и в жалких придорожных харчевнях, где его слушателями были шлюхи и нищие, скрывающиеся от непогоды в обнимку с кувшином дешевой кислятины. Но такого, господа, собрания жестоко-выйных сердец Эзоп не встречал за всю свою жизнь. Вам кажется, что вы львы с отточенными когтями и безжалостными зубами, но на самом деле вы трусливые зайцы, дрожащие от страха при виде маленькой мышки. Вы испугались баснописца Эзопа, который слаб телом, но силен духом, вы одели его в позорные кандалы, опасаясь за свою подмоченную репутацию. Вы страшитесь его язвительных басен, справедливо предполагая, что в них будет сказано о вашем убожестве и позорном образе жизни. И вы справедливо опасаетесь, господа, ибо такие басни уже написаны, и отправлены в разные концы Эллады. Вам не остановить их торжественное шествие из города в город, вам не остановить тот гомерический хохот, который будут они вызывать у людей, увидев-

ших моими глазами ваше ничтожество и ваши пороки. Ваши души, дельфийцы, такие же, как ваши лица, ибо похожи на перезрелые фиги, раздавленные колесом проезжей телеги. Вы действительно тунеядцы, ибо питаетесь крошками с жертвенника Аполлона, и живете за счет остальной Греции. Вы трусливы, ничтожны, и не вызываете ни капельки снисхождения. И это не вы мне выносите приговор, а я, баснописец Эзоп, стоящий здесь перед вами в позорных цепях. Смеюсь над вами, я смеюсь над всей человеческой глупостью и всеми пороками, какие только существуют на свете. И вы не сможете заткнуть мне рот ни вашим дешевым судилищем, ни вашей дешевой набожностью, которая на самом деле есть большее оскорбление для богов, чем искренний эзоповский смех. Этот смех, господа, будет звучать в ваших ушах до конца ваших дней, и вы не избавитесь от него даже в Аиде. Начав звучать здесь, он будет звучать уже вечно, до тех пор, пока люди еще умеют читать, и способны открывать книжечки моих басен, написанных искренне и с любовью к богам. С любовью к тебе, божественная Мнемозина, и к вам, бессмертные Музы. Вот он, господа, вот он, язвительней эзоповский смех, который, начавшись здесь, не кончится уже никогда! *(Начинает смеяться, запрокинув кверху голову, и подняв вверх руки, закованные в цепи.)*

П р е с е д а т е л ь *(испуганно, с т р а ж е)*. Немедленно увести осужденного!

Стража уводит Эзопа, который не перестает смеяться и потрясать закованными в цепи руками.

Смех Эзопа не умолкает, но, наоборот, звучит все громче и громче, заполняя всю сцену и весь зрительный зал. От него, кажется, нет спасения никому, в том числе и членам Ареопага, которые застыли в неестественных позах, заткнув уши, раскрыв рты и широко выпучив глаза, застигнутые врасплох этим безжалостным смехом.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Э з о п в темнице. Входят Х е р е й и К о р и н н а.

Х е р е й (бросается к Э з о п у) . Господин! Вы все-таки добились своего, и угодили в эту темницу. Весь город настроен против вас, все только и ждут завтрашнего утра, когда по приговору суда вас сбросят с высокой скалы. Чернь в Дельфах беснуется, и ждет – не дождется, когда увидит вас бездыханным, распластанным на острых камнях,

Э з о п. Чернь, Херей, беснуется не только в Дельфах, а вообще по всем мире. Она бесновалась раньше, и будет бесноваться до скончания света, которое, очевидно, в итоге наступит. Чернь вообще не умеет ничего, кроме как бесноваться, это ее отличительная черта. Но гораздо опасней, Херей, другая чернь, – та, которая живет во дворцах, и заседает в парламентах, –этой черни, мой дорогой, надо опасаться больше всего, и именно против нее боролся я всю свою жизнь. К сожалению, мой дорогой, этот вид черни невозможно победить ничем, кроме своей собственной смерти. Только лишь вид умирающего певца, только лишь картина растерзанного львами поэта способна на время остановить ее, и дать миру немного передохнуть. Но этот способ останавливать зло слишком дорого обходится певцам и поэтам, – он стоит им собственной жизни,

Х е р е й. Не хотите ли вы сказать, мой господин, что вы специально довели ситуацию до нынешнего состояния, и спровоцировали весь этот судебный процесс, всю эту темницу, и завтрашнюю казнь на рассвете?

Э з о п (*с усмешкой*). Ах, мой дорогой Херей, в конце-концов человек, который всю жизнь бросался на все, что только шевелится, который перетрахал больше глупцов и невежд, чем их родили все жены в Элладе, – в конце-концов такой человек становится перед выбором: а что же ему трахать еще? И не следует ли закончить этот великий трахательный процесс, этот бесконечно затянувшийся акт одним последним, но оглушительным действием? Таким, чтобы круги от этого акта разошлись далеко по земле, и достигли ее самых дальних концов, а также самых дальних эпох, которые бы восхитились этим последним актом немощного человека, бросившего вызов обстоятельствам и богам. Любой художник, Херей, неизбежно думает о красивом конце, и готовит его, замирая от ужаса и восторга.

Х е р е й. Ах, господин, вы действительно подготовили грандиозный конец, и, возможно, им вы действительно перетрахаете всех глупцов на земле, – разом, и на все времена. Но, может быть, вам стоит повременить? Пятьдесят лет – это еще не тот срок, когда нужно прощаться с жизнью. Тем более, что у нас есть обнадеживающие известия.

К о р и н н а (*бросается к Э з о п у*). Господин Эзоп, благодаря вам я стала царицей Дельф! Это что-то небывалое и

невиданное: я восседала на троне посреди городских площадей, и меня приветствовали толпы народа, заваливая подарками и цветами; из-за меня ссорились с женами богатые горожане, а недавно один купец из Коринфа сделал мне серьезное предложение.

Э з о п (с улыбкой, изучающе глядя на К о р и н н у) . Я рад за тебя, девочка, это действительно большая удача – превратиться из шлюхи в добродетельную супругу. Но справишься ли ты с этой задачей?

К о р и н н а (неуверенно). Я постараюсь. Конечно, стоять ежедневно около статуи Аполлона, встречая проезжающих иностранцев, было куда веселей, чем сидеть взаперти в лавке купца, и хранить ему верность до гроба. Да и королевой на рынке быть намного приятнее, чем рожать ежегодно наследника своему благоверному. Но ведь должен же человек стремиться к чему-то высшему, разве не так? (Неуверенно поправляет корону на голове.)

Э з о п (улыбается). Так, деточка, так. Ты своими рассуждениями о добродетели и стремлению к лучшему доставила мне радостную минутку. Хотелось бы рассказать по этому поводу достойную басню, но отчего-то мрачные мысли одолевают голову старика Эзопа.

К о р и н н а (радостно, подавшись вперед). Это оттого, что вы не знаете самого главного. Мой купец из Коринфа так влюбился в свою рыночную королеву, что дает огромные деньги на подкуп местных тюремщиков. Уже все всем запла-

чено, и ночью мы сможем бежать из Дельф. Осталось совсем немного, всего лишь два или три часа, и вас снова ожидает свобода!

Э з о п (*с горькой улыбкой*). Ах, милая деточка, как это просто – всего лишь два или три часа, и я снова стану свободным! А что будет потом, когда мы все вместе: я, ты, Херей и твой щедрый купец очутимся где-нибудь в безопасности и в недосыгаемости для местных стрел и пращей? что, я спрашиваю, будет потом? Ты будешь по вечерам слушать сказки баснописца Эзопа и восхищаться очередным оборотом его отточенной аттической мысли?

К о р и н н а (*неуверенно*). Но, господин Эзоп, я ведь к этому времени стану законной женой, и мне нельзя будет коротать вечера в компании другого холостого мужчины.

Э з о п (*горько*). В том-то и дело, Коринна, в том-то и дело. Ты недосыгаема для меня ни в этой темнице, ни там, на воле, куда ты меня приглашаешь. Ты для меня все равно, что та виноградная гроздь для лисицы из самой известной эзоповой басни. Послушай внимательно, сейчас я тебе ее расскажу. Голодная лисица увидела виноградную лозу со свисающими гроздьями и хотела до них добраться, да не смогла; и, уходя прочь, сказала сама себе: “Они еще зеленые!” Так и у людей, Коринна, иные не могут добиться успеха по причине того, что сил нет, а винят в этом обстоятельства. Ты, Коринна, тот виноград, который мне никогда не удастся сорвать. Всю жизнь я был голодной лисицей, проходящей

лишь по краешку человеческого счастья, которого в избытке было у других, и никогда не было у меня. Но я не роптал, Коринна, ибо прекрасно понимал, что превращение волею Исиды из глухонемого раба в известного баснописца – это уже баснословное счастье, о котором даже невозможно мечтать. Нельзя желать слишком многого, моя девочка, нельзя быть слишком жадным, таких людей не прощают боги. Лучше быть голодной лисицей, всю жизнь обделенной простым человеческим счастьем, но все же живым, уважаемым другими, и уважающим себя человеком. Вот так-то, моя девочка, извини за эти сентиментальные откровения, и не сердись за то, что старик Эзоп посвятил тебя в самую страшную и самую главную свою тайну!

Х е р е й (*встревожено*). Что означают эти ваши признания, мой господин?

Э з о п. Это означает, что я остаюсь. Мне не нужна ваша помощь.

Х е р е й. Но почему?

Э з о п. Потому, что пришло мое время. Потому, что одной басней больше, или одной басней меньше – это уже не имеет никакого значения. Потому, что лишь собственной смертью поэты могут хотя бы на время остановить торжество мировой глупости. Потому, наконец, что виноград давно уже перезрел, а голодная лисица так и не смогла до него дотянуться. Слишком много причин, Херей, слишком много, и все они в совокупности означают смерть баснописца Эзопа.

Х е р е й (отчаянно). Ваше решение окончательное, и вы больше не передумаете?

Э з о п. Окончательное, мой секретарь, и я больше не передумаю. Спасибо тебе за все, и, если это возможно, издай еще две или три мои книги. Хотя, впрочем, издание их уже ничего не изменит, – старик Эзоп так прочно вошел в вечность, что она уже скрипит у него на зубах своим желтым невесомым песком.

Х е р е й. Тогда прощайте, мой господин, времени у нас уже не осталось!

Э з о п. Прощай, Херей! Прощай и ты, милая девушка! Встретимся в вечности, или не встретимся никогда! Идите, не заставляйте старого баснописца плакать в этих мрачных стенах. Тем более, что мне надо беречь силы для новых встреч, которые, я чувствую, мне еще предстоят!

Х е р е й и К о р и н н а уходят.

Э з о п некоторое время остается один.

Появляется А п о л л о н в образе нищего.

Э з о п (всматриваясь в темноту). А, это ты, нищий? Впрочем, я не уверен, что ты действительно тот, за кого себя выдаешь. Перестань притворяться, покажи свой истинный облик, не води за нос баснописца Эзопа, его не так-то легко провести на мякине!

А п о л л о н (начинает ерничать и кривляться). Я ни-

щий, обыкновенный нищий, который ежедневно просит милостыню у статуи Аполлона! Я грязный смердящий червь, недостойный развязать шнурок от сандалий такого известного господина, как вы, И все же я еще раз молю: откажитесь от того, что уже вами сделано, признайте первенство Аполлона в этом городе, и вы вновь обретете свободу.

Э з о п (*хрипло*). Кто ты, нищий? Открой свой подлинный облик!

Н и щ и й (*продолжает ерничать*). Я нищий, всего лишь нищий! Но, господин, находясь ежедневно у статуи Аполлона, я иногда слышу нечто, чего не слышат другие. Некий шепот, мой господин, некие тайные знаки, которые позволяют мне говорить то, что я сейчас говорю. Всего лишь признание, мой господин, одно лишь признание первенства Аполлона, — без всякого публичного покаяния, и даже без разрушения святилища Мнемозины. Ведь боги, мой господин, так ревнивы, и им так нелегко уступить свое место в душах людей кому-то другому. Признайте старшинство Аполлона, и все чудесным образом переменится. Вы станете героем Дельф, вас будут, как и в других городах, вновь носить на руках, и почитать за величайшее эллинское достояние. Члены Ареопага принесут вам свои извинения, а чернь, как и положено всякой черни, будет боготворить того, кого вчера хотела распять.

Э з о п (*выпрямляется, глухо*). О, я догадываюсь, нищий, кто ты на самом деле! Я догадываюсь, и отвечаю так, как

должен ответить Эзоп: нет, я не изменю ни Мнемозине, ни тем бессмертным Музам, которые и диктуют мне мои эзоповские истории. Аполлон никогда не займет первенства в моем сердце. Слышишь ты – никогда, пусть даже постигнет меня судьба несчастного Марсия!

А п о л л о н (выпрямляясь, распуская по плечам золотые волосы, и принимая свой настоящий облик). Вот как, судьба несчастного Марсия? Сатира, который бросил вызов самому Аполлону, и с которого разгневанный бог живьем содрал кожу, повесив его вверх ногами?! Да будет так, господин сочинитель! и да видят другие боги, что я проявил к тебе невиданное великодушие, пытаюсь уговорить наглеца, которого другие давно бы уже повесили вверх ногами!

Э з о п (хрипло, закрываясь руками от сияния, исходящего от А п о л л о н а). Да будет так, светоносный бог, и да поможет мне Мнемозина достойно вынести то, что мне еще предстоит!

А п о л л о н (зловеще). Да будет так, баснописец Эзоп, ты сам выбрал свою судьбу! Прощай, маленький человек, бросивший вызов богам!

Исчезает.

Э з о п подавлен, некоторое время молчит, в волнении ходит из угла в угол.

Появляется М н е м о з и н а.

Э з о п (*поднимает голову, и видит б о г и н ю; растерянно*). Мнемозина...

М н е м о з и н а. Да, мой Эзоп, это я.

Э з о п (*падает на колени, и прижимается к ногам М н е м о з и н ы*). Богиня...

М н е м о з и н а. Ничего, Эзоп, ничего, не надо ничего говорить. Ты уже все сказал своей жизнью, ты уже все сказал своим творчеством, и большего, поверь мне, сказать на земле просто нельзя. Теперь за тебя будут говорить твои книги, и ты будешь вечно жить в них для новых и новых поколений читателей, которые будут воспринимать тебя, как современника. Поверь мне, это и есть бессмертие, по крайней мере один из его вариантов.

Э з о п (*поднимает голову кверху*). Но богиня...

М н е м о з и н а (*прикладывает палец к его губам*). Тсссс! не говори ничего. Не надо слов, мой Эзоп, побереги силы на завтра, они тебе еще понадобятся для твоего самого последнего слова. Для твоих новых басен, которыми ты напоследок попотчешь своих палачей. Поверь мне, – они будут сыты этими баснями до конца своих дней. Они, эти басни, застрянут у них в горле, и они не смогут проглотить их до тех пор, пока в конце-концов не испустят дух, видя перед глазами картину убийства баснописца Эзопа. Они, эти басни, навечно застрянут в глотках глупцов и невежд всех эпох, которые не смогут избавиться от тебя, сколько бы они тебя не казнили. Даже если бы каждый день они казнили поэта,

который кричит им в лицо правду, корчась от боли и от собственного несовершенства, – даже и тогда они не смогли бы заткнуть всем рот. Ибо пока существуют на свете поэты, я, Мнемозина, богиня памяти, и мои вечные Музы будем диктовать им в тиши бессмертные строки, которые уже никто не сможет забыть. Ты вечен, Эзоп, и о тебе будут помнить всегда!

Э з о п (жалобно). Я немощен, Мнемозина!

М н е м о з и н а. Нет, ты силен, как никто другой. И это неправда, что ты, как та лиса из эзоповой басни, не смог сорвать с лозы свою кисть винограда. Это не так, Эзоп, ибо ты в конце-концов все же сорвал ее, написав свои бессмертные строки. А все остальное: любовь женщин, нормальный человеческий облик, семья, дети, спокойная мещанская жизнь, лишенная бурь и страстей, – оставь все это другим. Не будь слишком жадным, надо же и им, несчастным, иметь хоть что-то, ведь тогда у них не останется вообще ничего. А это, согласишься, будет несправедливо.

Э з о п (сквозь слезы). Так ты считаешь, что моя жизнь все-таки удалась, и я все же сорвал с лозы эту проклятую виноградную гроздь?

М н е м о з и н а (тоже сквозь слезы). Да, мой Эзоп, да, твоя жизнь удалась, и ты, вопреки всему, все же сорвал с лозы эту чертову виноградную гроздь. А потому я удаляюсь с уверенностью, что помогла тебе всем, чем только могла, и полностью сыграла свою роль водителя Муз. Мы, мой Эзоп,

были достойной парой на этой сцене под названием жизнь. Прощай, и не бойся того, что будет завтра. Любимцу богов не следует бояться уже ничего. Будь тверд в своих убеждениях, и боги не оставят тебя никогда!

Целует его в голову, медленно отходит назад, исчезает во тьме .

Э з о п некоторое время стоит на коленях, потом поднимается, и смотрит в ту сторону, куда ушла М н е м о з и н а.

Появляется п и ф и я.

Э з о п (отшатываясь назад). Это ты? Но зачем, для чего смущаешь ты дух баснописца Эзопа? Разве мало тебе того, что завтра меня казнят, что еще хочешь напроорочить мне ты, черная ведьма?

П и ф и я (зловещим голосом).

Белые мухи,
Черные вороны,
Вейтесь над нами,
Кружитесь в веселье!
Пойте победную песнь
Свету, любви, божеству!
Бог светоносный придет,
Кровью испачкан весь рот,
Смерть осквернителя ждет,

Враг от судьбы не уйдет!
Тянутся нити судьбы,
Прялка чуть слышно жужжит,
Скоро окончится срок,
Кровью умоется бог.
Бог светоносной судьбы,
Бог небывалых затей,
Будут дарованы всем
Радость, печали и смерть.
Белые мухи,
Черные вороны,
Вейтесь над нами,
Кружитесь в веселье!
Пойте победную песнь
Свету, любви, божеству!
Бог светоносный придет,
Кровью испачкан весь рот,
Смерть осквернителя ждет,
Враг от судьбы не уйдет!

Умолкает, исчезает в темноте.

*Э з о п падает на пол, и лежит неподвижно, вытянув
вперед руки.*

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Утро. Ровная площадка в горах рядом с храмом Аполлона, заканчивающаяся отвесным обрывом. Сбоку слева – новое святилище Мнемозины. Перед храмом тренажник, рядом с ним одетая в черное пифия и жрецы в белых хламидах. Вокруг – толпа дельфийцев, среди них Херей и Коринна с неизменной уже царской короной на голове и в таком же царственном одеянии; здесь же – члены Ареопага. В толпе то тут, то там мелькает лицо Аполлона. Среди толпы неподвижная Мнемозина в траурном одеянии, похожая на обыкновенную женщину. Рядом с тренажником – закованный в цепи Эзоп и молчаливая стража.

Первым мужчиной. Смотри-ка, весь город собрался посмотреть на казнь этого нечестивца. Давненько не было у нас такого веселого зрелища. Живем, как мухи, от одной кормежки – до другой, от одной подачи, которую выносят нам жрецы Аполлона – до следующей, а в перерывах подохнуть можно от скуки. Нет, что ни говори, а хорошо, что к нам приехал этот нахал, оказавшийся закоренелым преступником. Хорошая казнь на рассвете – это как раз то, что нужно, чтобы немного взбодриться,

Второй мужчиной. Твоя правда, приятель, живем

мы здесь скверно и грязно, обслуживаем заезжих туристов, и ничего, кроме подачек от них, сроду не видим. Разве что бабы какие-нибудь подерутся на рынке, да пифия произнесет свое очередное проклятие, которое, впрочем, никто не сможет истолковать, – вот и все здешние развлечения. Для такого темного города, как наш, казнь иностранца – это истинное спасение, хоть и говорят, что после нее нас постигнут страшные бедствия.

Первый мужчина. Пусть лучше постигнут бедствия, зато немножко взбодримся, и не будем ходить по городу, как сонные мухи,

Второй мужчина. Твоя правда, приятель, хорошая казнь – это как свежий ветер, подувший с гор, и надувающий паруса неподвижного корабля!

Первая женщина. Ага, попался, голубчик! Сейчас тебя четвертуют и зальют внутренности кипящим свинцом! Будешь знать, как порочить Дельфы перед всей остальной Грецией!

Вторая женщина. Да нет, вовсе не четвертуют, а колесуют, а потом повесят на потеху честного народа, чтобы помнил, собака, как писать свои наглые байки! Тоже мне, поразвелось грамотных умников, вот они и разъезжают из города в город, да смущают простой народ, а сами, поставь их на рынке торговать в рыбном ряду, за целый день не заработают и гроша!

Первая женщина. Да уж, такому умнику обсчитать да

обвесить кого-нибудь, все равно, что обидеть маму родную. Понастроили университетов, и плодят в них недоносков, а как дойдет дело до драки, да выяснения отношений, то ничего из них и близко не будет, кроме разве твоей наглой рожи.

В т о р а я ж е н щ и н а. Ах, это у меня наглая рожа?! Да ты на себя посмотри, старая склочница, ведь у тебя, если честно сказать, и рожи-то вовсе нет, а одно сплошное нахальство!

П е р в а я ж е н щ и н а. Это у меня сплошное нахальство? ах ты, змея подколодная, ах ты, шлюха базарная! вот тебе, вот тебе, получай, старая перечница!

Молча возятся на земле, стараясь выцарапать друг другу глаза и вырвать как можно больше волос.

К р и к и в т о л п е. Пора начинать! Пора начинать! Солнце уже взошло, а мы еще ничего не увидели! Начинайте казнь, а не то мы сами казним этого недоноска!

П р е д с е д а т е л ь А р е о п а г а (*поднимая кверху руку*) . Тише, жители Дельф, тише, всему свое время. Мы еще не зачитали обвинительное заключение, и пифия еще не произнесла своего очередного проклятия а без этого нельзя казнить человека, пусть он хоть трижды клятвопреступник и богохулец. Быстро, граждане дельфийцы, только мухи роятся на тех кусках жирной падали, что получаете вы ежедневно от жрецов Аполлона. Имейте терпение, и вы дождетесь того, чего так страстно желаете.

Т о р г о в е ц ф и г а м и. Мы желаем справедливости и восстановления поправленных прав!

Р а з н о с ч и к в о д ы. Мы хотим, чтобы выскочка получил по заслугам!

П р о д а в е ц п т и ц. Нам не будет покоя, пока этого коротышку не столкнут со скалы. Пока он жив, мы будем чувствовать себя недоносками и лакеями!

С т а р у х а. Смерть собаке! Я сама не своя, пока он здесь еще дышит, я чувствую, что зря прожила жизнь, и не смогу теперь с чистой совестью сойти в преисподнюю!

П р е д с е д а т е л ь А р е о п а г а (*добродушно*). Это от того, почтенная женщина, что у тебя, как и у всех остальных, нечистая совесть. Этот заезжий поэт, или, иначе говоря, баснописец, у всех нас пробудил чувство вины. Мы все теперь чувствуем себя лакеями и попрошайками, питающимися, как мухи, со стола Аполлона. Нас всех освободит лишь смерть этого наглеца. К счастью, он еще и смертельно оскорбил Аполлона, и поэтому мы с чистой совестью, не испытывая никакого чувства вины, можем отправить его к праотцам. Этот гордец сам подсказал нам, как нужно действовать.

Г о л о с а в т о л п е. Да, действовать! да, немедленно избавиться от нечестивца! Он разбудил в нас чувство вины, он лишил нас покоя и сна! Только лишь казнь горбуна сможет вернуть нам прежний покой!

П р е д с е д а т е л ь А р е о п а г а (*опять поднимая вверх руку*). Ну вот, все и сказано, граждане Дельф: мы каз-

ним его потому, что потеряли душевный покой, но казнь эта справедливая, и проводится по закону. Теперь самое время сказать свое слово пифии. (*Делает знак рукой.*)

П и ф и я (*выходя вперед, устремляя пристальный взгляд на Э з о п а, зловецим голосом.*)

Мир расступается,
Бездна смыкается,
Все возвращается,
Все открывается!
Тьма надвигается,
С жизнью прощается,
Смерть улыбается,
Путник скрывается!
Вижу проклятия,
Вижу заклатья,
Стоны подземные,
Вопль неприкаянный!
Город рассыплется,
Череп оскалится,
Кости появятся,
Люди развеются!

Падает на землю, и корчится, издавая хрипы и стоны.

П р е д с е д а т е л ь А р е о п а г а. Ну что ж, граждане дельфийцы, как всегда, малопонятно, зато впечатляюще. Теперь остается только произнести приговор. Итак, именем

светоносного бога и по решения городского Ареопага, свя-
тотатец Эзоп, повинный в бесчисленных преступлениях, о
которых нет нужды здесь говорить, ибо они и так всем из-
вестны, сбрасывается со скалы в назидание всем остальным!

*Ж р е ц ы поднимают вверх руки, и, раскачиваясь из сто-
роны в сторону, начинают тихонько выть.*

П и ф и я продолжает лежать на земле.

*Возгласы в т о л п е: “Ура высокому Ареопагу!”, “Защитам
город от наглых пришельцев!”, “Очистим свою нечистую со-
весть!”, “Принесем жертву светоносному богу!”*

П р е д с е д а т е л ь. Да будет так! Стража, привести
приговор в исполнение!

Х е р е й (*бросаясь вперед, обращаясь к т о л п е*). Опом-
нитесь, безумные граждане! Вас постигнет чума, град и по-
топ. Боги не простят вам этого преступления!

К о р и н н а (*присоединяясь к Х е р е ю*). Послушайте
меня, рыночную царицу, бывшую когда-то гетерой, а теперь
вознесенную так высоко, что сами же вы поклоняетесь мне,
как богине! Не казните этого человека, он своими баснями
превращает шлюх в цариц, и пробуждает в людях уснувшую
совесть!

А н т и ф о н т. Ваша заинтересованность в деле, госпо-
дин Херей, слишком прозрачна, чтобы жители Дельф испу-
гались страшных прогнозов! Наша пифия вещает куда более

страшные вещи!

М е н е к р а т. А ты, рыночная королева, лучше уезжай поскорей со своим коринфским купцом, пока и тебя не арестовали за соучастие в преступлении!

Э з о п (*протягивая вперед закованные в цепи руки*). Остановитесь, граждане дельфийцы, остановитесь! Вы думаете, что со смертью Эзопа вам станет спокойней жить? Вы думаете, что вас освободит моя смерть? Что с ней к вам вновь вернется покой и сон? Вы глубоко ошибаетесь, жители священного города, ибо, казнив меня, вы будете вечно испытывать чувство вины, которое незаметно будет вползать в ваши дома, проникая через самую малую щелочку, заползая через одеяло в вашу кровать, и отравляя постепенно ваш мозг до тех пор, пока вы уже не будете годны ни на что; даже на то, чтобы собирать подаяние у жертвенника Аполлона, роясь вокруг него, как разжиревшие мухи. Но вы ни на что не годны уже и сейчас, ибо полностью утратили чувство свободы, променяв его на жизнь низких лакеев, пресмыкаясь перед заезжими иностранцами, готовые выполнить любую их прихоть. Вы ведете жизнь презренных червей, и вы обречены в любом случае, независимо от того, убьете вы Эзопа, или отпустите.

Г о л о с а в т о л п е. Он насмешается над нами, даже стоя на краю пропасти! Этот злодей упадет сам, и утащит за собой всех нас!

Э з о п. Вы давно уже в пропасти, жители священного го-

рода, и все же, если в ваших мозгах осталась хотя бы одна капля разума, не действуйте сгоряча, и не совершайте ошибки, за которую потом придется дорого заплатить. Послушайте лучше басню, которую я сейчас вам расскажу. Кошка поймала петуха и хотела сожрать его под благовидным предлогом. Сперва она обвинила его в том, что он беспокоит людей, когда кричит по ночам, и не дает им спать. Петух ответил, что он это делает им же на пользу: будит их для привычной дневной работы. Тогда кошка заявила: “Но ты еще и нечестивец; наперекор природе ты покрываешь и мать, и сестер”. Петух ответил, что и это он делает на благо хозяев – старается, чтобы у них было побольше яиц. Тогда вскричала кошка в замешательстве: “Так что же ты думаешь, из-за того, что у тебя на все есть отговорки, я тебя не съем?” Басня показывает, господа дельфийцы, что когда дурной человек решит сделать зло, то он поступит по-своему, не под благовидным предлогом, так в открытую. Не будьте таким дурным человеком, отпустите баснописца Эзопа, он тот петух, который будит вас и всю остальную Элладу, не давая никому проспать час рассвета!

Г о л о с а в т о л п е. Со скалы, со скалы! Нам не нужны нравоучительные истории! Нам не к чему вставать слишком рано!

П р е д с е д а т е л ь. Вот видите, господин сочинитель, народ не желает слушать ваши мольбы о помиловании. Вам уже никто не поможет: ни боги, ни жалость, к которой вы

призываете! стража, привести приговор в исполнение!

Стража тянет Эзоп к обрыву .

Эзоп вырывается, и скрывается в святилище Мнемозины.

Эзоп (отчаянно) . Убежища, убежища! Прошу убежища у моей покровительницы!

Мнемозина, стоящая в толпе, несколько раз пытается броситься на помощь Эзопу, но потом возвращается назад, в отчаянии заламывая свои руки.

Аполлон, ни от кого не скрываясь, гордо стоит во всем блеске своих золотых волос, торжествующе глядя на Эзоп.

Председатель (глядя на Аполлона) . Нам покровительствует Аполлон, а не богиня памяти, нашептывающая на ухо безумным калекам свои нелепые басни. Стража, заберите его из святилища!

Стража выволакивает Эзоп из святилища, и тянет его к краю обрыва.

Эзоп (умоляюще) . Минутку, господа дельфийцы, минутку, жестоковыйные граждане священного города! Все-

го лишь минутку, во время которой хочу рассказать я вам смешную историю. Минутка уже ничего не решит, а вы, чего доброго, расхохочетесь напоследок, и раздумаете казнить безумного старика. Двое врагов плыли на одном корабле. Чтобы держаться друг от друга подальше, один устроился на корме, другой – на носу; так они и сидели. Поднялась страшная буря, и корабль опрокинулся. Тот, что сидел на корме, спросил у кормчего, какой конец корабля грозит потонуть раньше? “Нос”, – ответил кормчий. Тогда тот сказал: “Ну, тогда мне и умереть не жалко, лишь бы увидеть, как мой враг захлебнется раньше меня”. Так иные люди, господа дельфийцы, из ненависти к ближним не боятся пострадать, лишь бы увидеть, как и те страдают. Не казните Эзопа, отпустите безумного баснописца; боги не простят вам этого преступления, и вслед за ним вы сами пойдете ко дну!

Т о л п а. Скала! Скала! Сбросить его со скалы! Пускай мы скоро пойдем ко дну, зато сегодня увидим цвет твоей крови!

Э з о п (*горько, но одновременно и радостно, просветленно, отодвигая в сторону с т р а ж у*). Хорошо, господа дельфийцы, хорошо, вы уговорили старого баснописца. Вы умеете хорошо уговаривать, и у вас бесполезно искать милосердия. Вы убиваете меня потому, что боитесь. Вы боитесь своей разбуженной совести, и считаете, что со смертью Эзопа она вновь заснет на долгие годы. Но вы, господа, ошибаетесь, ибо можно убить поэта, но нельзя убить то, что он написал. Вам не нужны смешные истории, и вы не хотите смеяться,

так слушайте же, как смеется Эзоп, сочинивший этих историй больше, чем растет волос на ваших схожих с фигами лицах и чем находится крошек на жертвеннике Аполлона, с которого вы питаетесь, как презренные мухи. Прощай, Мнемозина, прощайте и вы, Музы я ухожу, чтобы вечно остаться с вами!

Начинает смеяться, потом прыгает со скалы.

Смех Э з о п а сначала становится тише, и умолкает совсем, но потом начинает звучать все громче и громче, разливается над сценой, зрительным залом и всем миром.

Т о л п а в ужасе корчится, пораженная нестерпимым смехом Э з о п а.

Смех Э з о п а звучит бесконечно.

К о н е ц.

2003